

Славяноведение, 2021, № 6, с. 99–109

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 99–109

DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3

Оригинальная статья /
Original Article

Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»?

© 2021 г. М.М. Дробышева

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Российская Федерация)

m.m.bubnova@gmail.com

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Благодарю участников семинара по проблемам исторической русистики при кафедре русского языка Филологического факультета МГУ им. Ломоносова (17 июня 2021 г.) за возможность обсудить содержание статьи и очень ценные замечания, появившееся во время дискуссии.

Аннотация. В статье исследуются семь древнерусских надписей-граффити, сделанных в алтарной зоне Георгиевского придела Киевского Софийского собора (№ 126, 127, 851, 854, 904, 927 и 1076а), в которых содержится призыв «отдать козу мою» или так или иначе сообщается о «козе». Для граффито № 927 приводится новая версия прочтения, согласно которой в надписи говорится о сватовстве козы и барана при участии беса. Для всей этой серии граффити приводится сравнение с существующим фольклорным и эпиграфическим материалом, делается вывод об ее брачно-эротической семантике. Приводится подробный внестратиграфический анализ надписей, результатом которого стал вывод о необходимости датировать весь комплекс граффити по сумме признаков концом XIII – началом XIV в.

Ключевые слова: граффити, Древняя Русь, эпиграфика, фольклор.

Ссылка для цитирования: Дробышева М.М. Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»? // Славяноведение. 2021. № 6. С. 99–109. DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3.

Why did they leave inscriptions about the «goat» on the walls of St. Sophia Cathedral in Kiev?

© 2021. М.М. Drobysheva

State Academic University for Humanities
(Moscow, Russian Federation)

m.m.bubnova@gmail.com

Abstract. The paper studies seven Old Russian graffiti inscriptions made in the altar of the St. George's Chapel of the Kiev St. Sophia Cathedral (No 126, 127, 851, 854, 904, 927 and 1076a). They contain a call «to give my goat» or they report about a «goat». A new version of the reading is given for graffiti № 927, according to which the inscription says about the matchmaking of a goat and a ram with the participation of a demon. For this entire series of graffiti, a comparison with the existing folklore and epigraphic material is presented. The conclusion provides its marital and erotic semantics. There has been made a detailed extra-stratigraphic analysis of the inscriptions which brings us to a conclusion that the entire graffiti complex should be dated to the end of the 13th – beginning of the 14th centuries.

Keywords: graffiti, Old Rus, epigraphy, folklore.

Reference for citation: *Drobysheva Maria M.* Why did they leave inscriptions about the «goat» on the walls of St. Sophia Cathedral in Kiev? // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No. 6. P. 99–109 DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3.

В первой публикации древнерусских граффити Софии Киевской (1947) Б.А. Рыбаков привел наиболее любопытные надписи, обнаруженные реставраторами в Георгиевском и Михайловском приделах храма. В частности, исследователя заинтересовали два граффити с одинаковым текстом – в них содержался призыв «отдай козу мою». Квалифицировав их как бытовые, Б.А. Рыбаков посчитал, что в надписях какой-то клирошанин требует вернуть ему некий необходимый для богослужения предмет [20. С. 53]. В более поздней работе исследователь уточнил, что в надписи скорее всего идет речь о треножнике-попире [22. С. 64], который, согласно словарю В.И. Даля, действительно имел наименование «коза» [13. С. 132]. С.А. Высоцкий в целом согласился с предложенной Б.А. Рыбаковым интерпретацией, упомянув также, со ссылкой на устное сообщение А.И. Багмут, альтернативную трактовку слова *коза* как обозначения маски (вероятно, имеется в виду маска для обряда вождения ряженого козой). Автор трехтомного корпуса киевских граффити присвоил этим надписям номера 126 и 127 [8. С. 46. Табл. XXXII. 1, XXXII. 3, XXXIII. 1, XXXIII. 3].

Б.А. Рыбаков отмечал, что вместе с двумя надписями про «козу» на той же южной стене апсиды Георгиевского придела находится еще одно граффито, содержащее «совершеннейшую непристойность о козе и о бесе», и не стал приводить его полный текст [22. С. 64]. Он допускал, что граффити с требованием отдать «козу» навели одного из прочитавших на мысль сделать свою надпись уже про реальную козу, вспомнив «рифмованную пословицу» про козу и беса [20. С. 64]. С.А. Высоцкий об этой надписи в своем корпусе киевских граффити ничего не сообщал.

Новый исследователь надписей Киевской Софии В.В. Корниенко не только заново изучил эти три надписи, но и обнаружил в том же Георгиевском приделе еще четыре фрагментированных граффити с упоминанием «козы». Из семи надписей шесть (№ 126, 127, 851, 854, 904 и 927) располагаются на уже упомянутой южной стене апсиды, еще одна (№ 1076a) – на западной грани северной лопатки первого от алтаря южного крещатого столба [17. С. 130. Табл. II].

Приведу тексты всех семи граффити в прочтении В.В. Корниенко.

№ 126 [17. С. 37–38. Табл. XXXIV. 1]:

даі козу

мою

№ 127 [17. С. 38–39. Табл. XXXIV. 2]:

Дді коѣ

зу

мою

№ 851 [17. С. 53. Табл. LXIII. 1]:

...козу [м](ою)

№ 854 [17. С. 53. Табл. LXIV. 1]:

...коѣ

з(у)

№ 904 [17. С. 61. Табл. LXXXVI]:

Ѡа[и] козу

мою попо[ви]

№ 927 [17. С. 66. Табл. XCVII]:

спраѣ

шиваѣ

єт(ъ) са

коза с(ъ) бѣѣ

сом(ъ) є(и) поіти киѣ

ва баран(ъ) єи

№ 1076а [17. С. 104. Табл. CLXXXII. 1]:

козѣ

а

Помимо «козы», ни один вид животных настолько часто не упоминается в эпиграфике Софии Киевской. Сохранившиеся полностью надписи однотипны, а фрагменты скорее всего были им аналогичны. Только граффито № 904 содержит уточнение, что «козу» требуется отдать некому попу. Надо сказать, что окончание граффито написано не совсем разборчиво и полной уверенности в нахождении здесь словоформы *попови* нет. Надпись № 927 отличается от прочих и, видимо, дает ключ для понимания смысла всей серии.

В.В. Корниенко, как кажется, справедливо предположил фольклорный характер всех надписей, допустив, что это могут быть цитаты из популярного в то время произведения (возможно, юмористического характера), где в качестве персонажей фигурировали коза, бес, баран и хозяин козы. «Дай козу мою!», по гипотезе исследователя, была коронной фразой последнего [17. С. 370].

Для надписи № 927 В.В. Корниенко предлагает следующий перевод на современный украинский язык: «*Питається коза: “Із бісом їй ніти?” Киває баран:*

“Так!”» [17. С. 66]. Этой версии прочтения в основном уверенно распознающегося текста можно предложить альтернативу. В начале последней строки надписи вертикальный штрих делает первый знак действительно похожим на *в*, но не замкнутая нижняя петля буквы заставляет задуматься о возможности трактовки этого знака как *к* или *з*, которой предшествует случайное повреждение на штукатурке (можно сравнить с буквой *в* во второй строке, чтобы убедиться в разности написания символов). С учетом устойчивости в древнерусских источниках выражения *пойти за*, приоритет надо отдать последней версии. Таким образом, распадается чтение В.В. Корниенко *ку|ва*. Сам же исследователь отмечал, что предпоследняя буква пятой строки идентифицируется не совсем уверенно и по контексту она была им восстановлена «как особая форма написания *к*, у которой нижняя косая далеко отодвинута вперед» [17. С. 66]. Можно согласиться с тем, что эта буква написана не вполне корректно, так как начертанный символ похож на *и*, но три идущих подряд *и* маловероятны, поэтому средний символ разумней будет трактовать как *л*, перед началом которой, как и в случае с *з*, образовался не относящийся к надписи штрих. В этих двух одинаковых, не относящихся к надписи штрихах можно видеть намеренную попытку искажения ранее созданного текста или простую ошибку. При сделанных допущениях надпись складывается в осмысленный и грамматически правильный текст:

спраѣ

шиваѣ

ѣтса

коза с б[ѣ]ѣ

сомѣ поит[и] ли

за баран[а] ѣи

В предложенном В.В. Корниенко прочтении источника слово *ei* встречается дважды: в самом конце, где исследователь трактует его как утвердительное междометие; и как местоимение 3-го лица ж.р. дат. п. на отрезке между *бѣсом(ѣ)* и *пойти*. Но, судя по фотографии и прориси в изданном корпусе, здесь нет *ѣ* и буквы *и*, а наличие *-е* объясняется «бытовой» заменой конечной гласной. В последнем же *ei* логичней видеть как раз местоимение.

Обращает на себя внимание написание *за барана* вместо ожидаемого *за барана*. Словоформа *на баране* встречается и в берестяной грамоте № 761 (вероятно, последняя треть XIII в.), где она, согласно комментарию А.А. Зализняка, может объясняться трояко: «а) простой опиской под влиянием обоих соседних слогов, содержащих *а*; б) отражением аканья; в) отражением ассимиляции гласных, подобной той, которая дала, например, укр. *багáтий, гарáзд, гаря́чий*» [15. С. 501]. Вопреки заключению исследователя, что «наиболее вероятно первое» [15. С. 501], надо признать маловероятным факт случайных одинаковых описок в двух независимых древнерусских источниках сразу.

Спрашиватися — многозначный глагол, но управляя предлогом *с*, он приобретает значение ‘советоваться с кем-либо’ [24. С. 88]. Таким образом, перевести надпись можно так: «Советуется коза с бесом, пойти ли ей (замуж) за барана».

В подобной интерпретации граффито № 927 и вся серия надписей «(от)дай козу мою» становится еще одним эпиграфическим источником, связанным с обрядом сватовства. Можно отметить, что в «Словаре древнерусского языка

XI–XVII вв.» в качестве примера значения *спрашиватися* как ‘просить сделать что-либо’ приводится текст из сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» 1667 г.: «Дружки у отца и у матери не-вистиной спрашиваютца, чтоб они новобрачного и новобрачную благословили ъхат(ь) к венчанию» [24. С. 88]. В подобном значении глагол требует управления другим падежом, что заставляет в трактовке киевской надписи отдать предположение иной версии, но само по себе ценно, что этот глагол фиксируется в контексте свадебного обряда.

Не исключено, что во всех надписях *дату/отдати* следует трактовать в значении ‘выдать замуж’. В древнерусских источниках есть примеры, когда по крайней мере глагол *отдати* используется в этом значении без дополнительного уточнения *замуж*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» в качестве одного из подобных случаев приводит цитату из Ипатьевской летописи 1137 г.: «В то же время иде Юрьи Ростову и Всеволодь Мьстислаличь отда дчѣрь свою в ляхы Вержуслану» [23. С. 224].

Немногочисленную группу древнерусских источников, связанных с обрядом сватовства, в основном представляют надписи на пряслицах, которые большинство исследователей считают традиционным подарком жениха невесте перед свадьбой [22. С. 55]. Часть из них являются владельческими подписями с женскими именами, некоторые более явно указывают на свадебную тематику. На пряслице из Вышгорода есть граффито «невѣсточь», а пряслица с подписями «княжее», «княжин» скорее всего отсылают к традиции называть молодых на свадьбах князем и княгиней [19. С. 66]. Пряслице из Любеча с надписью «Иванкъ с Ъвдѣтею одина дѣ[а]» – еще один пример эпиграфического памятника любовно-брачного содержания [25. С. 30–34].

Еще одно вышгородское пряслице, датируемое временем не позже третьей четверти XI в., содержит длинную надпись, фиксирующую переговоры с упоминанием трех лиц, как и в граффито № 927. В недавней публикации А.А. Гиппиуса ее текст в нормализованном виде приводится следующим образом: «Чепоура пыта – Пыпна рекла: «Вѣда<д>ите ма за Жадь, хочоу за нь, да<и> ма волею сво(ею)». Надпись выражает согласие и желание невесты Пыпны выйти замуж за Жада [9. С. 11].

Фиксация переговоров перед свадьбой произошла и на так называемой костяной грамоте, найденной в Великом Новгороде на Троицком раскопе в 2020 г. Эта костяная бирка, сделанная из коровьего ребра, содержит надпись «молвила куна соболи» и запись чисел, отражающую ход торга о сумме выкупа за невесту [5]. Ключ к пониманию этого источника дает фольклорная традиция обозначения жениха и невесты во время обряда сватовства и в брачных песнях через зооморфную символику.

По традиции, пришедшие к дому потенциальной невесты сваты употребляли особые иносказательные формулы, никогда не сообщая о цели своего прихода прямо. Начало переговорам часто давала формула «у вас А, у нас В», где могли использоваться как очевидные пары невеста – жених, княгиня – князь, товар – купец, так и зооморфные наименования: телка – бычок, ярочка – баран, курочка – петушок и т.д. [12. С. 155]. В других формулах, связанных с охотой, пару могут образовывать животные и разных видов: среди самых распространенных вариантов соболя – куница, соболя – лисица, горностаи – куница, бобр – выдра и т.д. [10. С. 42–43].

Знание об особенностях традиции сватовства смогло помочь в трактовке и серии граффити XIV – первой половины XV в. из церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде «пойду бобром возле реки» [18. С. 449; 21. С. 343–344; 4]. Эта серия надписей состоит как минимум из пяти граффити, сделанных одним почерком. В новом исследовании об этих надписях М.А. Бобрик уверенно обосновывает их брачно-эротическую семантику и происхождение из весенне-летнего обрядового фольклора [4].

Интересно, что в белорусских и польских свадебных песнях коза упоминается не в паре с козлом или с бараном, как в киевском граффито, а с ищущим добычу волком, который олицетворяет жениха, добывающего себе невесту. В таком случае ухаживания волка за козой наделяются еще и эротической символикой [10. С. 126–128]. Отношение к козе как к нечистому животному объясняется поверьями о ее дьявольском происхождении. Согласно украинскому фольклору, домашняя коза сотворена чертом, и если ее окропить освященной водой, то она мгновенно подохнет. По белорусским преданиям, коза – творение черта, и потому внешне похожа на него. Наличие у коз короткого хвоста поляки объясняли легендой, что дьявол, загоняя коз на пастбище, оторвал им хвосты [2. С. 523]. Согласно другому украинскому поверью, происхождение дикой козы идет от черта, который «прижил» ее со своей женой [3. С. 169]. Народная демоническо-эротическая символика козы, вероятно, повлияла на создание басни «Коза и бес», вошедшей в сборник XVIII века «Девичья игрушка, или Собрание сочинений г. Баркова» – ее, вероятно, и имел в виду Б.А. Рыбаков, характеризуя киевское граффито как «совершеннейшую непристойность».

В славянских поверьях коза или козел могли выступать и как оберег. Из-за любви нечистых сил (домовых и чертей) к этому животному, его держали в хлеву вместе с лошадьми, либо уводили на выгон вместе с овцами, считая, что нечисть тогда не навредит скоту [2. С. 524]. Таким образом, по народным представлениям, отношения между нечистой силой и козой были родственные, почти родительские, и этим можно объяснить, почему в тексте надписи коза по поводу своего замужества советуется именно с бесом. В тексте надписи на вышгородском пряслице Пыпна заявляет о своем желании выйти замуж за Жада Чепуре – персонажу, которому в основной версии интерпретации граффито отводится роль отца и главы рода невесты [9. С. 12].

Наравне с другими коза, баран и черт были типичными персонажами, используемыми ряжеными в конце свадебного обряда для развлечения участников свадьбы [12. С. 211]. Возможно, в одной из вариаций подобного развлечения разыгрывалась сцена сватовства козы и барана при участии беса. А.В. Гура отмечал, что мотив свадьбы животных в комическом виде широко представлен в фольклоре всех славян (например, в шуточных песнях о свадьбе зайца и совы, комара и мухи и т.д.), и что он связан с животными, для которых характерна ярко выраженная мужская или женская символика [11. С. 551–552]. Как коза, так и баран (хотя и в меньшей степени, чем коза) являются таковыми, но о существовании фольклорного источника о свадьбе этих животных до сих пор ничего известно не было. Между тем выбор барана как жениха козы имеет определенную логику. С одной стороны, это два вида сельскохозяйственных животных, часто обитающих вместе. В то же время между ними есть и некоторый антагонизм: вспомним, к примеру, козлов и овец из Мф. 25:31–46 в описании сцены суда над народами, олицетворяющих грешников и праведников соответственно. В украинских легендах коза как нечистое животное противопоставляется

«божьем» созданиям – овце и корове [2. С. 523]. По другим распространенным у славян фольклорным источникам, дьявол, желая, подобно Богу, создать свое животное, вылепил из глины барана, но не смог его оживить. Бог вдохнул в него жизнь, но загнул рога назад, получив из барана козла [3. С. 169]. Ущербность козы по отношению к другим домашним животным декларирует и приведенная в «Слове» Даниила Заточника притча: «не скоть въ скотѣх коза, ни зверь въ звѣрех ожь, ни рыба въ рыбах ракъ, ни потка въ потках нетопырь»¹. С этой точки зрения уже сам подбор персонажей киевского граффито подразумевает коллизию, которую можно обыграть в сюжете фольклорного произведения. Поэтому, хотя прямых фольклорных параллелей, в которых бы присутствовали коза, бес и баран, обнаружить не удалось, граффито № 927 можно считать древнейшей восточнославянской записью фольклора с мотивом свадьбы животных.

Относительно внестратиграфической датировки надписей можно высказать следующие соображения.

Граффити № 126 и 127, как неоднократно отмечалось, имеют одинаковые начертания [8. С. 46; 6. С. 120. Прим. 67]. Обе надписи содержат довольно специфичные графические признаки: А-образная *d*, *i* с пересечкой и засечками, *к* с отворотом влево вверху справа, вертикальная *з* с переломом. Это дает основания утверждать, что надписи были сделаны одним лицом. Без подробного палеографического анализа С.А. Высоким эти граффити были приведены в разделе, посвященном источникам XII в. [8. С. 46]. В.В. Корниенко датировал обе надписи XII – первой четвертью XIII в. [17. С. 37–39]. Рецензировавший первый том нового свода киевских граффити Т.А. Бобровский, опираясь на разработанную А.А. Зализняком методику [14], уточнил датировку В.В. Корниенко, назвав в качестве предпочтительного времени создания надписей период 1100–1200 гг. [6. С. 120, 127].

Таблица 1. Датировочная матрица для граффити № 126–127.

	1100	1200	1300	1400
Д П Δ- и А-образные	()	.	
З Па Вертикальные (перелом))	° ° ° °
Г ПШб С пересечкой (с засечками)	[- -]	[-ж		[] !
К 2 Отворот влево вверху справа	° ° ° °)		
У П У-образные	(° ° ° ° ° °		° ° ° ° ° °	
Графика: У после согласной	(° ° ° ° ° °	°(

Граффито № 927, самое большое в серии, не содержит буквы *d*, а *i* прочерчено без засечек и перекладки, как это сделано в надписях № 126 и 127. В то же время мы здесь видим ту же вертикальную *з* с переломом, *к* с левым отворотом у верхнего косого (написанную так, будто *к* з слева добавили вертикаль) и другие совпадающие графические признаки. Поэтому вероятность того, что все три надписи были сделаны одной рукой, надо признать чрезвычайно высокой. В начертаниях букв надписи № 927, отсутствующих в № 126 и 127, обращает на себя внимание ряд деталей. *И* здесь встречается трижды: первая имеет основной вид с горизонтальной перекладной, третья написана с наклонной перекладной – признаком

¹ Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 278.

более поздней палеографии, чем XII в., на существенной части второй находят-ся повреждения штукатурки, но по видимому участку можно опознать нижнюю часть наклонной перекладины. Еще одним поздним признаком является дважды встреченная в надписи *p* с петлей с двумя изломами. В целом для граффито № 927 датирующая матрица принимает следующий вид.

Таблица 2. Датирующая матрица для граффито № 927.

	1100	1200	1300	1400	
В Пб Перелом, не касающийся мачты) • ° °)
З Па Вертикальные (перелом)) • ° ° ° °)
И П Наклонная перекладина	°	° °			2/3
К 2 Отворот влево вверх справа	°	° ° ° °)		
Р V Петля с двумя изломами			(
Язык: редуцированные пали	(° (

Таким образом, по внестратиграфическим данным граффито № 126, 127 и 927, принадлежность которых одному автору в целом не вызывает сомнений, содержат датирующие признаки как ранних, так и относительно поздних периодов. К выраженным первым можно отнести написания *к* и *д*, ко вторым — *p*, *и* в двух из трех случаев, *і* в двух случаях из трех. Важным датирующим признаком является последовательно позднее состояние редуцированных в надписи (*спрашивається*, *с*), а также одиночное *у* после согласной, которое, хотя и встречается уже в XII в., более характерно для XIII–XIV вв.

Ранней чертой в граффито № 927 является написание *бъсьме*, с сохранением мягкости конечного [м'], отвердевшего после утраты слабых редуцированных. Исследовавший это явление на материале берестяных грамот А.А. Зализняк отмечал, что данный процесс, скорее всего, начался еще в XI в., к XIII в. новые формы уже использовались чаще старых, а в XIV–XV вв. они уже абсолютно преобладают [15. С. 78].

Фрагментированные граффито № 851, 854 и 1076а содержат небольшое число сохранившихся начертаний, но видно, что в них нет специфических графических свойств, присущих надписям № 126, 127 и 927. Судя по фотографиям из издания В.В. Корниенко, *к* во всех трех граффито имеет основной вид (сомкнутые), а *з* везде разная: левонаклонная с развилкой в № 851, вертикальная с развилкой в № 854 и не имеющая аналогов, наиболее похожая на вертикальную Ъ-образную *з* в № 1076а. Для подтверждения предложенного издателем прочтения этих надписей и их графических особенностей крайне желателен новый визуальный осмотр оригиналов источников. Но имеющиеся данные вполне определенно говорят об атрибуции этих граффито иным авторам.

Граффито № 904 В.В. Корниенко датирует последней четвертью XIV — первой четвертью XV в. [17. С. 61]. Как говорилось выше, нельзя поддержать

Таблица 3. Датирующая матрица для граффито № 904.

	1100	1200	1300	1400	
А Па Выпуклые (острые)	✓				
К П Нижняя косая к мачте		°	(° ° ° ° ° °		°
У П К- и Ц-образные		°	(° ° ° ° ° °		°
Ш Па W-образные	(° ° ° ° ° °)		°
Ю Пб Перемычка наклонно вверх		°	(

реконструкцию буквосочетания *-ови* после *поп-*. Судя по фотографии, после *n* есть место только для одной буквы. Возможно, в надписи используется вокатив с окончанием *-е*, и тогда призыв «отдать козу» адресуется некому попу. В целом же надпись датируется концом XIII – началом XIV в. По-видимому, этим периодом необходимо датировать и всю серию надписей про «козу».

Вверху граффито № 904 находится краткая надпись, которую В.В. Корниенко изначально считал первой строчкой текста, но затем внутри своего свода выделил ее в отдельное граффито № 904а, прочтя там имя *нікола* с зеркальной *a*. Как кажется, это граффито, на котором присутствуют следы зачеркивания, является записью обценной лексемы (в виде диминутива *пиздка*), уже засвидетельствованной в некоторых памятниках эпиграфики Новгорода, включая неопубликованные граффиты Софийского собора и церкви Феодора Стратилата на Ручью², Полоцка [7. С. 8. Рис. 1; 16. С. 35–38. Ф. 7.7. Рыс. 10, 11.7] и в смоленской берестяной грамоте № 15 [1. С. 340–341. Рис. 2]. Соседство надписи о сватовстве и записи с обозначением табуированной части женского тела уже встречалось в новгородской берестяной грамоте № 955, где обценные лексемы выступают в обрядовом пожелании плодородия [26. С. 55–59]. Полагаю, приписка к надписи № 904 могла быть сделана с той же целью.

Остается открытым вопрос о назначении этой группы надписей. Едва ли подобные однотипные надписи являются простой записью полюбившегося прихожанам фольклорного текста. Более вероятно другое объяснение, что по крайней мере граффиты № 126, 127 и 927 являются навязчивым посланием для одного из попов Софии Киевской, упомянутого, согласно предложенной поправке к чтению, в граффито № 904. Можно думать, этот поп каким-либо образом препятствовал браку между автором надписей и его невестой. В тексте граффито № 927 автор провел своеобразную ролевою игру, навеянную обрядовым фольклором: свою невесту он соотнес с козой, ее реального или духовного отца, с которым она советовалась по поводу своего замужества, – с бесом, а себя – с бараном.

Переживаниями о сватовстве и свадьбе, спровоцировавшими появление на стене храма серии граффиты с зооморфной брачно-эротической символикой, сроднились неизвестный новгородец, прихожанин или клирик церкви Феодора Стратилата, воображающий себя женихом-бобром, и киевлянин, настойчиво оставляющий в алтарной зоне крайнего придела Софийского собора призывы отдать за него невесту-козу. Иносказательный смысл этих посланий, безусловно понятный современникам, исследователю приходится отгадывать, опираясь на фольклорные параллели. Предложенные в этой статье ответы, возможно, не являются окончательными, но хочется думать, что они будут полезны для дальнейшего развития дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 269–283.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташова Н.И., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из раскопок Заднепровья г. Смоленска // Историческая археология: традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 336–341.

² По сведениям от А.А. Гиппиуса и С.М. Михеева.

2. Белова О.В. Коза // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-и т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 522–524.
3. Белова О.В., Кабакова Г.И. Коза, козел // Восточнославянские этимологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. С. 169–170.
4. Бобрин М.А. Граффити о бобре в новгородской церкви Феодора Стратилата на Ручью // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. (в печати)
5. Бобрин М.А., Сингх В.К. Документ древненовгородского свадебного ритуала: Костяная грамота XIII века из раскопок 2020 года // Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2021. (в печати)
6. Бобровский Т. Бреши в корпусе (Заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської») // Ruthenica. Т. IX. Київ, 2010. С. 110–130.
7. Булкин В.А., Рождественская Т.В. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 7–12.
8. Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка, 1976. 455 с.
9. Гиппиус А. «Чепура пыта, Пыпна рекла»: надпись XI в. на пряслице из Вышгорода // Ruthenica. 2020. Вып. XVI. С. 7–15.
10. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
11. Гура А.В. Свадьба животных // Славянские древности. Этно-лингвистический словарь: в 5-и т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 551–552.
12. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 935 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Типография М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. 814 с.
14. Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Наука, 2000. С. 134–429.
15. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 867 с.
16. Калечыц І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV вв. Мінск: Беларуская навука, 2011. 274 с.
17. Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2009. Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. 463 с.
18. Медынцева А.А. Древнерусские надписи из церкви Феодора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 440–450.
19. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М.: Наука, 2000. 290 с.
20. Рыбаков Б.А. Именні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. 1947. Вип. 1. С. 53–64.
21. Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись Церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. С. 339–382.
22. Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М.: Наука, 1963. С. 34–72.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13. 316 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2006. Вып. 27. 275 с.
25. Янин В.Л. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 21–36.
26. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 г.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

REFERENCES

- Astashova N.I., Zalizniak A.A. Berestianyje gramoty iz raskopok Zadneprov'ia g. Smolenska. *Istoricheskaia arkhologiiia: traditsiia i perspektivy. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Avdusina*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, pp. 336–341. (In Russ.)
- Belova O.V. Kozha. *Slavianskije drevnosti. Etno-lingvisticheskiĭ slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia Publ., 1995, vol. 2, pp. 522–524. (In Russ.)

- Belova O.V., Kabakova G.I. Koza, kozel. *Vostochnoslavianskije etiologicalskije skazki i legendy: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Neolit Publ., 2019, pp. 169–170. (In Russ.)
- Bobrik M.A. Graffiti o bobre v novgorodskoi tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2021 (in print). (In Russ.)
- Bobrik M.A., Singkh V.K. Dokument drevnenovgorodskogo svadebnogo rituala: Kostianaia gramota XIII veka iz raskopok 2020 goda. *Slověne = Sloviane. International Journal of Slavic Studies*, 2021 (in print). (In Russ.)
- Bobrovskii T. Breshi v korpuse (Zametki o monografii V.V. Kornijenko «Korpus grafiti Sofii Kiivs'koï»). *Ruthenica*, vol. IX. Kyiv, 2010, pp. 110–130. (In Russ.)
- Bulkin V.A., Rozhdestvenskaia T.V. Nadpisi na kamne iz khrama Sofii v Polotske. *Pamiatniki kul'tury: Novyje otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologija. 1982*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 7–12. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*. St. Petersburg, 1881, vol. 2, 814 p. (In Russ.)
- Gippius A. «Chepura pyta, Pypna rekla»: nadpis' XI v. na priaslitse iz Vyshgoroda. *Ruthenica*, 2020, vol. XVI, pp. 7–15. (In Russ.)
- Gura A.V. *Brak i svad'ba v slavianskoï narodnoï kul'ture: semantika i simbolika*. Moscow, Indrik Publ., 2012, 935 p. (In Russ.)
- Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoï narodnoï traditsii*. Moscow, Indrik, 1997, 910 p. (In Russ.)
- Gura A.V. Svad'ba zhivotnykh. *Slavianskije drevnosti. Etno-lingvistichekii slovar'*, pod red. N.I. Tolstogo, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, vol. 4, pp. 551–552. (In Russ.)
- Ianin V.L. Epigraficheskie zametki. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1992, vol. 2, pp. 21–36. (In Russ.)
- Ianin V.L., Zalizniak A.A., Gippius A.A. *Novgorodskije gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 g.)*. Moscow, 2015, T. XII. 288 p. (In Russ.)
- Kornijenko V.V. *Korpus grafiti Sofii Kiivs'koï (XI – pochatok XVIII st.)*. Kyiv, 2009, Ch. 1: Pridil' sv. Georgiia Velikomuchenika, 463 p. (In Ukr.)
- Kalechyts I.L. *Epigrafika Belarusi X–XIV vv.* Minsk, Belaruskaia navuka Publ., 2011. 274 p. (In Belarus.)
- Medyntseva A.A. Drevnerusskije nadpisi iz tserkvi Feodora Stratilata v Novgorode. *Slaviane i Rus'*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 440–450. (In Russ.)
- Medyntseva A.A. *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po pamiatnikom epigrafiki X – pervoi poloviny XIII v.* Moscow, Nauka Publ., 2000, 290 p. (In Russ.)
- Rybakov B.A. Imenni napisi XII st. v Kiivs'komu Sofiis'komu sobori. *Arkheologija*, 1947, vol. 1, pp. 53–64. (In Ukr.)
- Rozhdestvenskaia T.V. Nadpisi i risunki v tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu. Tsarevskaia T. Iu. *Rospis' Tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu v Novgorode i jeje mesto v iskusstve Vizantii i Rusi vtoroi poloviny XIV veka*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007, pp. 339–382. (In Russ.)
- Rybakov B.A. Russkaia epigrafika X–XIV vv. *Istoriia, fol'klor, iskusstvo slavianskikh narodov*. Moscow, Nauka Publ., 1963, pp. 34–72. (In Russ.)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* Moscow, 1987, vol. 13, 316 p. (In Russ.)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* Moscow, 2006, vol. 27, 275 p. (In Russ.)
- Vysotskii S.A. *Srednevekovye nadpisi Sofii Kijevskoi (po materialam grafiti XI–XVII vv.)*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1976, 455 p. (In Russ.)
- Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004, 867 p. (In Russ.)
- Zalizniak A.A. Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheske datirovaniije. Ianin V.L., Zalizniak A.A. *Novgorodskije gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. T. X. Moscow, 2000, pp. 134–429. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дробышева Мария Михайловна,
младший научный сотрудник,
старший преподаватель исторического
факультета Государственного академического
университета гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-2943-2897
E-mail: m.m.bubnova@gmail.com

Information about the author:

Maria M. Drobysheva
Junior Research Fellow of the Faculty
of History, State Academic
University for Humanities,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-2943-2897
E-mail: m.m.bubnova@gmail.com